Молодой Грифон

Второй ранг Софического Царства ощущался примерно так же, как и первый.

Конечно, по меркам Гражданского культиватора разница была огромной. Мой резервуар пневмы – море моей души – стал глубже на непомерную величину. Поговорка гласила, что один ранг следующего царства стоит десяти рангов предыдущего, и хотя моё восприятие было искажено чрезмерной кровопотерей и поразительным истощением, мои ощущения примерно соответствовали этому.

Кроме того, я вырос и в менее очевидном смысле – в чём-то, что я не мог точно определить, но что инстинктивно ощущалось во мне более ясно. У меня было несколько идей, что бы это могло быть, но в данный момент я был не в том состоянии, чтобы теоретически рассуждать о Софическом культивировании.

Вместо этого я решил навестить моих заблудших друзей и заверить их в моём хорошем здоровье. Увы, я не рассчитал мои новые силы и, вместо того чтобы открыть дверь в жилище Элиссы, я случайно вызвал тридцать рук панкратиона и сорвал её с петель.

В коридоре я обнаружил Элиссу и, как я и предполагал, остальных членов группы, а также приятный сюрприз.

— Лефтерис, — сказал я, оскалив зубы в дружеской улыбке лучнику с золотой тетивой. — Я искал тебя. — Почему-то он вздрогнул от моих слов, а может, просто от моего вида.

Я заметил, что из-за ног Лефтериса на меня смотрит пара мальчишек, каждый из которых, судя по всему, был примерно одного возраста с Мироном. Их огненно-рыжие волосы были в основном скрыты соломенными шляпами, но яркие, разноцветные глаза были на виду. Я спрошу о них позже, когда не буду чувствовать себя настолько убийственно.

— Грифон, — выдохнула Элисса. — Ты жив.

— Пока да, — согласился я, шагнул внутрь и разбил дверь в щепки под моими пятками. Мои руки панкратиона сгибались и судорожно хватались за воздух вокруг меня, потрескивая от воспоминаний о молниях. Они царапали стены вокруг, бились об пол и разрывали дверь. Другие всё ещё тянулись к Героическим культиваторам в другом конце коридора. Герои настороженно смотрели на них, пневма защитно скручивалась вокруг них.

— Простите меня, — сказал я, схватив одну руку панкратиона своей рукой из плоти и крови и раздавив её в бесформенную энергию. — Эти мои руки многофункциональны, но в своей основе они не более чем проявление моего намерения.

— И что это за намерение? — настороженно спросил Джейсон, положив руки на пояс, где висело несколько кинжалов.

Я усмехнулся.

— Насилие.

Розовый свет зари вспыхнул на оставшихся двадцати девяти руках намерения панкратиона, и та любопытная тяжесть, которую я заметил при продвижении, замерцала на их ладонях.

— Не смеши меня, — усмехнулась Элисса, выходя из ряда и пересекая коридор. Она напряглась, проходя через толпу хватающих рук панкратиона, но ни одна из них, естественно, не коснулась её. — Ты выглядишь так, как будто ты уже одной ногой в Стиксе.

— Двумя, вообще-то, — сказал я, слабо улыбнувшись, когда она фыркнула от веселья.

— И я полагаю, ты ожидаешь, что мы вытащим тебя из него? Подлатаем тебя и отправим обратно как новенького, так что ли? — Она ткнула меня в грудь, достаточно расслабившись, чтобы вернуться к привычным провокациям. — Ты заменишь эту дверь. И даже не думай о…

— Почему эта трусливая рука трогает меня? — с любопытством спросил я. Песня Меча замерла, пристально глядя на меня.

— Прошу прощения?

— Я спросил, почему ты прикасаешься ко мне, — повторил я ради неё, — своим грязным пальцем, который ты отказалась поднять, когда он был нужен.

— Будь очень осторожен со своим следующим словом, — сказала она, в каждом слоге слышалась угроза. Я наклонился к ней достаточно близко, чтобы остатки молнии в моих волосах ударили её.

— Трус.

Песня Меча выкрикнула проклятие и сделала выпад вперёд, и в том же движении Кайно оттащил её назад, прижав её спину к своей груди, пока она рычала.

— Кто дал тебе право?! Кто дал тебе право, чтобы игнорировать реальность этого города, чтобы судить нас, кто живёт в нём?! Как смеешь ты называть меня трусом, высокомерный алый ублюдок!

— Хо, я задел за живое? — Я насмехался над ней, идя вперёд, в то время как Кайно отступал назад, держа её в своей хватке. — Тебя злит, что тебе противостоят? Тебя бесит, что тебя осуждает кто-то, кто не побеждён и не сломлен?

— И что мы должны были сделать против Овода? — выплюнула она, в её глазах полыхало пламя цвета жара пустыни. Гнев на её лице пересилил классическую красоту продвинутого культиватора, позволив её шрамам показать себя во всей своей уродливой красе. — Что мы могли сделать, чтобы остановить человека, который бороздит глубины?

— Что могла сделать группа Героев против простого Философа? Ты это спрашиваешь? — Я повторил вопрос, продолжая идти вперёд, даже когда Кайно столкнулся с Лефтерисом и Джейсоном. На мгновение я увидел, как в стойке лучника появилось что-то похожее на настоящую сталь, когда мои блуждающие руки панкратиона потянулись к двум мальчикам, прятавшимся за его спиной. Его влияние ударило и пригвоздило их к полу бессловесным призывом воли, пронзив мою душу нитями боли. Хорошо. Хорошо. Дайте мне хоть что-то.

— Это не просто философ. Это тот самый философ. Он установил стандарт, это в его честь был назван путь Учёных. Воро́ны и падальщики, ты не можешь думать, что всё так просто. — Элисса дёрнулась в хватке Кайно, но в отличие от похорон, он решил не отпускать её. Она

зарычала от раздражения. — У Сократа были столетия, чтобы пройти по своему пути дальше, чем кто-либо ещё из его рода. Сколько времени было у нас? Сколько было у тебя?

— Восемнадцать лет.

Культиваторы в зале уставились на меня в полном недоумении. Анастасия, наклонив голову, стояла дальше всех, прислонившись к дверному проёму в соседнюю комнату и наблюдая за происходящим. Я бросил на неё вызывающий взгляд, но она лишь извиняюще улыбнулась.

— Восемнадцать лет, — пробормотал Джейсон. — Даже для ученика Солуса это…

— Опять ложь. — Глаза Элиссы сузились. — Я не спрашивала, сколько лет твоей маскировке. Я спросила, сколько лет тебе. Грифон, Олимпийский претендент.

— И я ответил тебе, — сказал я, оттесняя их обратно в смежную комнату. По краям комнаты стояло несколько кушеток, и тёплый очаг с несколькими потрескавшимися поленьями. На столе, стоявшем рядом с двумя кушетками, лежало несколько пустых кувшинов, один из которых был наполовину наполнен кикёином. Судя по всему, они провели долгий день, напиваясь и жалея себя.

— Всё ещё продолжаешь? Даже сейчас? — потребовала она. — Мы последовали за тобой вопреки всему, и ты всё ещё отказываешься сказать нам правду.

— Ты уже дважды назвала меня лжецом. Моё добродетельное сердце не потерпит третьего. — Мои руки панкратиона вытянулись до пределов того расстояния, что я им позволил, хватая воздух удушающими движениями. Пневма Элиссы поднялась в ответ.

— Будьте благоразумны, вы оба, — твёрдо сказал Кайно, обхватив рукой горло Песни Меча и протянув ко мне ладонь. — Она правильно рассуждает, Грифон. Как ты можешь ожидать, что мы пойдём с тобой до конца, если мы продолжим скрывать друг от друга всё самое важное? Ставки в этой игре слишком высоки, чтобы играть друг против друга на стороне.

— И зачем мне доверять свои секреты этой шайке трусов?

Кайно встретил мой взгляд и не дрогнул: «Мы не ты. Оракул была права, когда осуждала тебя. Ты говоришь всё то, что не должен говорить человек в твоём положении, делаешь всё то, что не должен делать, и, насколько я могу судить, ты такой, какой ты есть, только ради острых ощущений. Большинство людей не созданы по твоему образу и подобию. И если ты хочешь работать с нами, тебе придётся с этим смириться».

Мы пристально смотрели друг на друга, пока я заливал кровью пол Героини. Наконец, я наклонил голову.

— В тот день, перед тем как мы пошли к твоему, ты сказал мне, чтобы я обратился к Алому Оракулу, — сказал я. Он кивнул. — Когда ты в последний раз видел её, или виделся с кем-то кто видел её?

Герои обменялись взглядами.

— Недавно, — протянул Кайно. — А что?

— Во время моей короткой прогулки по Буре, Которая Никогда Не Прекращается, — сказал я, с

некоторым усилием втягивая свои руки панкратиона обратно в себя, — я поговорил с каждым из Оракулов.

— Ты... что? — спросил Джейсон. Анастасия заинтересованно хмыкнула.

— Всего с семью из них, — продолжил я, — но когда я добрался до восьмого, оракула моего собственного дома, я нашёл её сломанной и разбитой в кратере из расплавленного камня. Может ли кто-нибудь из вас объяснить это? — К этому моменту Элисса перестала бушевать, на её лице появилось задумчивое выражение, и Кайно медленно опустил её на пол.

Анастасия заговорила впервые с момента моего прихода: «Этот вопрос, который ты должен задать её преемнику. Или, возможно, своему мастеру».

— Разумеется. — Я закатил глаза и развернулся, направляясь обратно по коридору.

— Подожди!

— Ты уходишь в таком состоянии?

— Ни в коем случае.

Я посмотрел вниз, на мраморно-белую руку, обхватившую меня за локоть и удерживающую на месте. В мой лучший день сила Героини была тем, что я не мог поколебать. Сейчас же? С таким же успехом я мог бы попытаться потянуть всё небо и землю вместе с ней.

— Что ты делаешь? — спросил я Анастасию. Если тело было слабым, то вместо него должно было возобладать присутствие.

К сожалению, её это не тронуло. Едкие зелёные глаза горели, осматривая моё тело, и, неприятно щёлкнув языком, она потянула меня обратно в комнату. Я позволил ей это сделать, потому что моим единственным другим вариантом было попытаться сопротивляться и проиграть. Она усадила меня на одну из кушеток рядом со столом, и я схватил и выпил оставшийся кувшин с духовным вином, в знак протеста.

— "Что ты делаешь", спрашивает он, — пробормотала Анастасия, недоверчиво качая головой. Ловким движением она заплела свои волосы в простую косу и сбросила с себя свою прекрасную ониксовую мантию, оставшись в простом пеплосе, ниспадающем до середины талии. — Как будто я позволила бы тебе уйти отсюда в таком состоянии только для того, чтобы ты умер. Солус никогда бы мне этого не простил.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь подходяще грубое, но так же быстро закрыл его, когда она положила руки мне на грудь, и по моему телу разлилось обжигающее тепло. Я дёрнулся назад, но она лишь наклонилась вперёд, направляя этот жар по жизненно важным каналам моего тела, где находился костный мозг Держателя-Поводьев.

Значит, это была чистота.

— Ты целитель, — размышлял я, прослеживая её пневму, пока она проходит сквозь меня, сжигая найденные нечистоты и прижигая внутренние раны, до которых не дотянулись мои розовые руки зари.

— Это одно из того чем я являюсь, — согласилась она, и её обычная коварная улыбка сменилась сосредоточенностью. В этот момент, как ни в какой другой до этого, я стал

свидетелем Героини, коей была Анастасия.

— Научи меня, — сказал я.

Героиня моргнула, её пневма застыла в моих венах, и подняла на меня глаза.

— Медицина – это не то, чему можно научиться в одночасье. Это не какая-то боевая стойка, которую ты можешь добавить в инвентарь после нескольких дней тренировок.

— Это нормально, — сказал я. — Я всё равно её освою.

— Почему? — спросил Джейсон, садясь на кушетку напротив и упираясь локтями в колени, явно заставляя себя наклониться поближе к Анастасии, чтобы понаблюдать за её работой. — Ты никогда не казался мне соответствующим типом. Ты ломаешь, а не строишь.

— Я такой, каким хочу быть, — сказал я. — Что касается причин, то сегодняшнее утро дало мне понять, что я не могу полагаться на других, чтобы они починили меня, когда дела станут плохи. Если бы я знал, как сделать это самому, мне не пришлось бы поворачивать назад у вершины.

— Вершины горы? — спросила Элисса.

— Он бросил тебя так высоко? — спросил Кайно.

— Нет, — ответил за меня Лефтерис, хмуро глядя в мою сторону. — Судя по траектории, ты мог приземлиться не более чем на треть пути вверх в бури.

— Это правда, — признал я. — У моего прапрапрапрамастера не хватило вежливости забросить меня на весь путь вверх, поэтому мне пришлось преодолеть оставшуюся часть пешком.

— Ты поднялся на гору? — прошипела Элисса. — Один?

— Не один. По пути у меня появилось несколько друзей.

— Когда Бушующие Небо посылают посвящённых в бурю для проведения обрядов, они отправляют всех старших мистиков культа чтобы охранять их, — сказал Кайно с серьёзным видом. — В буре есть вещи, слишком опасные для того, чтобы культиватор мог пройти их в одиночку.

— Гончие не так уж плохи. — Я пожал левым плечом, потому что правое перестало работать несколько часов назад. — Любую собаку можно приучить к дисциплине.

— Ты серьёзно, — сказал Лефтерис. Он посмотрел с меня на Элиссу и на Кайно. — Он серьёзно?

— Вот об этом мы и говорили, — устало сказал Кайно, потирая виски. — Итак, ты отважился пройти испытание невзгоды. Официально это или нет, но это даёт тебе право на вступление в Культ Бушующего Неба.

— Я не добрался до вершины, — заметил я.

— Это лишь значит, что ты не будешь принят в число старших посвящённых в первый же день, — сказала Элисса.

— Чем выше посвящённый поднимается на гору, прежде чем сломаться или быть сломанным бурей, — пояснил Джейсон, — тем выше его положение при первом вступлении в культ. Это предмет гордости, а также первый взгляд их коллег на то, из чего они сделаны.

И я не прошёл весь путь. Как раздражает.

Я вздохнул: «Полагаю, мне придётся наверстать упущенное, когда я вернусь с Солом». — Наступила неловкая тишина, которую нарушало лишь потрескивание очага.

— Солус… мы не можем быть уверены, что он вернётся, — наконец сказал Кайно.

— И почему же? — мягко спросил я.

— Посмотри на себя, — сказала Элисса, жестом показывая на мой, по общему мнению, жуткий вид. К этому времени она, казалось, уже слишком устала, чтобы сердиться на меня. — Овод ходит, где хочет, и говорит, что хочет, и тираны этого мира позволяют ему это, там, где они подчинили бы себе любого другого философа. Может быть, Солус и превосходит нас, но он уж точно не превосходит Сократа.

Анастасия нахмурилась, но не подняла глаз от своей работы. За неё заговорил Джейсон, выглядевший не менее озабоченным.

— Это не невозможно, — сказал он, ухватившись за мягкий край своей кушетки. — Вместе и при правильных обстоятельствах, если бы мы смогли его найти. Я обязан хотя бы попытаться. Я дал обещание, что буду рядом с ним.

— И ты нарушил его меньше чем за день, — сказал я, создав две руки панкратиона, чтобы похлопать. — Впечатляет. — Он нахмурился и отвернулся.

— Хватит, — сказала Анастасия, впиваясь кончиками пальцев, окрашенных в чёрный цвет, в стык между моими рёбрами. Я медленно выдохнул, чувствуя, как непроходящая боль в груди сгорает. — Мы замешкались, и это было нашей слабостью. В следующий раз этого не случится.

— Это безумие, — сказал Лефтерис. Сидевшие рядом с ним два мальчика в соломенных шляпах смотрели на меня с неприкрытым любопытством. Я показал им свой окровавленный язык, и они оба вздрогнули. — Я не буду в этом участвовать, — настаивал он, уговаривая Кайно и Элиссу. — И вы двое тоже не должны. Скорее всего, мы последуем за мертвецом, бросая вызов Оводу ради трупа. С таким же успехом мы могли бы отправиться прямо в Тартар и не тратить время на дорогу.

Из-за двери послышалось биение крыльев, заставив лучника замолкнуть, прежде чем он успел начать толком злиться. Элисса выругалась.

— Дверь.

Но то, что пролетело через вход было не чернильно-чёрной воро́ной, а великим орлом-посланником. Сорея спланировал в комнату, коснувшись крыльями обе стороны коридора, и выжидательно устроился на спинке моей кушетки. Лефтерис резко вдохнул, узнав птицу, а его мальчики удивлённо переглянулись. Анастасия, в свою очередь, тут же перестала лечить меня в своём восторге.

Восторг этот быстро угас, когда орёл-посланник пренебрежительно отмахнулся от её руки, забил крыльями и пронзительно закричал ей в лицо. Она отпрянула, обиженная.

— Птица мудра, — сказал я, протягивая ладонь. Сорея щёлкнул клювом и напрягся, извергнув в мою руку горсть черных костей, а также рулон папируса. Я склонил голову в знак благодарности и открыл послание, я испытал какое-то первобытное облегчение в моей груди, как только увидел плотный, военный почерк Сола.

Я прочитал две строчки, прежде чем начал улыбаться.

— Что там написано? — спросил Джейсон, наклонившись, чтобы увидеть. Я вернулся к началу и прочитал вслух, чтобы все могли услышать.

Грифон,

Надеюсь, что это письмо найдёт тебя в целости и сохранности. Ты давно заслуживал пощёчину, но я не смогу насладиться ею пока не узнаю, что ты выжил, чтобы я мог напомнить тебе об этом. Сорея будет ждать твоего ответа, так что не заставляй его ждать после того, как прочтёшь это.

Я не могу пока присоединиться к тебе. Я буду в порядке там, где нахожусь, так что не гонись за мной. Я приехал в этот город в поисках Аристотеля, и вместо этого нашёл мастера его мастера. Этого будет достаточно. Сократ определил аспект моей культивации, что нуждается в улучшении поэтому, пока он будет давать мне советы, я буду находиться за закрытыми дверьми в поместье покойного Кириоса.

Постарайся не быть самим собой, пока я не вернусь. Можешь сказать остальным, что я жив, но не раскрывай всех подробностей. Всё и так стало достаточно сложным.

Всегда,

Солус

— Ах, — сказал я, переведя взгляд с выражений лиц собравшихся культиваторов на последний абзац. — Наверное, мне не стоило читать это вслух.

Комната взорвалась.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3459432